

Министерство культуры Новосибирской области
Новосибирский областной Центр русского фольклора и этнографии
Новосибирская государственная областная научная библиотека
Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки

МЕЛЬНИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы восьмой межрегиональной
научно-практической конференции*

Новосибирск, 16–17 февраля 2017 г.

Редакционная коллегия:
кандидат искусствоведения Н. В. Леонова,
Т. Ю. Мартынова, Н. П. Мисюрева

Мельниковские чтения: Материалы восьмой межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 16–17 февраля 2017 г. / Науч. редакция Н. В. Леоновой. – Новосибирск : Издательство НГОНБ, 2017. – 142, [2] с.: фото.

ISBN 978-5-88742-152-0

В сборнике публикуются статьи и рефераты, подготовленные участниками Мельниковских чтений, прошедших в Новосибирске в 2017 году и посвященных 95-летию М.Н. Мельникова и 10-летию областного фестиваля «Сибирская глубинка». Внимание авторов обращено на традиционную культуру народов Сибири и Восточного Казахстана, изучаются формы её бытования и включения в современное образовательное и культурное пространство.

Издание адресовано фольклористам, этнографам, специалистам в области образования и организации досуговой деятельности, преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов вузов.

ББК 85.62

ISBN 978-5-88742-152-0

© Новосибирский областной центр
русского фольклора и этнографии

Информация о Мельниковских чтениях 2017 года

16–17 февраля 2017 года в Новосибирске состоялась VIII-я межрегиональная научно-практическая конференция «Мельниковские чтения». Её учредителями и организаторами явились Министерство культуры Новосибирской области, Областной центр русского фольклора и этнографии при поддержке Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки, Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирской государственной областной научной библиотеки, Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Конференция была посвящена 95-летию известного фольклориста, этнопедагога, кандидата филологических наук, профессора Михаила Никифоровича Мельникова, научная деятельность которого была связана с изучением народных традиций сибирского региона.

Участниками «Мельниковских чтений» стали фольклористы, филологи, этнологи, музыковеды, этнографы, историки, искусствоведы, психологи, этнопедагоги, работники культуры, сотрудники учебных заведений разного уровня. Они представляли организации Алтайского (Алтайский краевой колледж культуры и искусств, Государственный художественный музей Алтайского края, Чарышский районный Народный Дом, Карамышевский филиал Змеиногорской ДШИ) и Пермского (детско-юношеский центр «Импульс» д. Кондратово) краев, города Новосибирска (Институт филологии и Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки, областной Центр русского фольклора и этнографии, Институт культуры и молодежной политики Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирский областной колледж культуры и искусств, Центр детского творчества «Содружество») и Новосибирской области (Горновский КДЦ Тогучинского района), Республики Тыва (Тувинский институт гуманитарных и прикладных исследований) и Казахстана (Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск).

По традиции в качестве приоритетных направлений работы конференции были выделены следующие:

- припевки – «Зять на теще капустку возил», «Ой, где это видано», «Топится в огороде баня»;
- частушки – частушки под наигрыш «Подгорная»;
- рекрутская – «Последний нынешний денечек»;
- романс – «Королик, ты, королик».

Собранные материалы требуют дальнейшей расшифровки, систематизации и анализа. После обработки материалов экспедиции возможны освоение и публикация наиболее значимых образцов. Мы выражаем искреннюю благодарность за предоставленный материал Бородиной Надежде Васильевне, Свиридовой Марии Павловне, Горловой Галине Игоревне.

Источники

1. Экспедиционные материалы, собранные М. Н. Сигаревой и Е. С. Балаховцевой в с. Безголосово Алейского района (октябрь 2015 года).
2. Экспедиционные материалы, собранные Е. С. Балаховцевой в с. Безголосово Алейского района (ноябрь 2016 года).

Фольклорная традиция села Чуваши Северного района Новосибирской области

Е. И. Исмагилова
(Новосибирск)

Село Чуваши, так же, как и другие чувашские поселения в Северном районе Новосибирской области (Витинск, Алешинка, Ивановка, и многие другие, ныне исчезнувшие населенные пункты), было основано в 1920-е годы чувашами – выходцами с Поволжья [1, с. 27]. В этом селе проживают потомки переселенцев преимущественно из северных и восточных районов территории современной Республики Чувашия – Чебоксарского, Урмарского, Канашского [2, с. 284].

В 2002–2003 годах в село Чуваши были проведены музыкально-фольклорные экспедиции Новосибирской государственной консерватории (под руководством Н. В. Леоновой) [1, с. 27, 28]. Среди потомков чувашских переселенцев велась запись разнообразной фольклорно-этнографической информации и образцов чувашского песенного фольклора. Беседы проводились преимущественно с женщинами пожилого возраста (1925–1947 годов рождения); все они родились в Сибири, их родители приехали из Чувашии.

В самом начале XXI века элементы чувашской традиционной культуры и отдельные фольклорные произведения еще были живы в памяти сибирских чувашей. Так, например, сохранилось значительное количество информации о проведении чувашских календарных праздников и обрядов. Многие из этих праздников перешли в традиционную культуру чувашей из русского православного календаря.

Исполнители охотно рассказывали о поздравительных обходах на Новый год и Рождество (по-чувашски *Раштав*). Во время зимних обходов звучали посевания («*Сею-вею, посеваю, с Новым годом поздравляю!*»), заимствованные чувашами у русских. Исполнялось также рождественское православное песнопение – тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш».

Широко праздновали Масленицу – *Ҷаварни*. Вот как об этом рассказывала старейшая носительница традиции Татьяна Акимовна Слепченко: На Масленицу запрягали коней в разукрашенные сани,

и на лошадях гривы заплетали лентами. На дугах – колокольчики, платки. Вот, тоже, выезжают парни с девками, с гармошкой. Также своя песня есть:¹

Лаишисене кӱлери лайахисе,	Запряжем ли лошадей хороших,
Ялан сил(и)хи вӛсӛсем кӱтрисе?	У которых концы грив всегда кудрявы.
Хӛрӛсене лартари чиперрисе,	Посадим ли (в сани) девушек красивых,
Сассиссем те шанкрав нек усӛисе?	У которых голоса звонкие как колокольчики! ¹

Праздник Пасхи по-чуваши называется *Мӱнкун*. В пасхальные дни совершались обходы домов сельчанами с пением пасхальных песнопений: тропаря «Христос воскрес из мертвых» – *Христос вилӛмӛнчӛн чӛрӛльне*, поющего на чувашском и русском языках, и ирмоса первой песни канона «Воскресения день» – *Пайан Христос сӛрелсе танакун*. Пасхальные обычаи в селе Чуваши бытуют и в настоящее время. Среди них – усаживание первого гостя, пришедшего в дом в праздничный день, на подушку с куриным пером (*чтобы курицы весь год хорошо на яйцах сидели*), а также окрашивание яиц луковой шелухой.

На Троицу соблюдался обычай украшения двора молодыми березками. Березки ставили вдоль дорожки в ограде у дома, а через несколько дней убирали. От Вознесенья до Петрова дня (*Петрава*) звучали весенне-летние хороводные песни – *вӱйӱ юрри*. Их также называли петровскими песнями, поскольку в праздник в честь апостолов Петра и Павла их пение прекращалось. С этого дня (12 июля) в селе начинался покос.

В летнюю засушливую пору совершался обряд вызывания дождя – *Чук* (остаток древних дохристианских обрядовых молений). По народным верованиям для того, чтобы пошел дождь, нужно было вылить сорок ведер воды на могилу недавно скончавшегося в селе человека.

Семейный фольклор представлен рассказами об обряде крещения детей без священника (погружении) с избиранием крестных

¹ Расшифровки и переводы чувашских текстов выполнены Е. В. Федотовой.

родителей (обычай выбирать «крестных родителей» сохранялся даже в тех случаях, когда крещение как таковое вообще не совершалось), рассказами о свадебных обрядах, свадебными песнями и припевками, фрагментами причитаний невесты, а также информацией о совершении похоронно-поминальных обрядов [1, с. 29, 30].

До настоящего времени в селе Чуваши сохранилась практика народного отпевания, включающая чтение и пение наиболее известных православных молитв («Святый Боже», «Отче наш», «Достойно есть») и примыкающий к ним духовный стих «Три ангела»: ²

Виӛӛ ангел сӱллала килеӛӛӛ	Три ангела идут по дороге,
Такӱр мар сӱллала килеӛӛӛ	По неровной дороге идут.
Пире ... рая ис кашин, ис кашин.	Его [имя] в рай хотят забрать.
Рай сӱрми, пыл сӱрми,	Райская река, медовая река,
Пыл сӱрмисем юхаӛӛӛ.	Медовые реки текут.
Пыл сӱрми варринче	Между медовыми реками
Ладан йывӱӛӛсем лараӛӛӛ.	Стоят деревья ладана.
Ладан йывӱӛӛ тӱрринче	На деревьях ладана
Рай кайӱӛӛсем юрлаӛӛӛ.	Золотые птицы поют ² .

Вплоть до последних десятилетий XX века бытовал обычай проводов молодых людей в армию. Т. А. Слепченко рассказывала об этом так:

– *Солдата, если он призывник, по деревне его возят, угощают, к родне там, кто желает, пожалуйста... Дарят платки, вешают на солдата платки, полотенца, особенно женщины-молодки, обязательно полотенца дарили. Вот он сидит на коне, с ним люди, друзья его, размахивает он платками. Друзья помогают ему петь, и он тоже поет. Так вот было.*

Репертуар песен, поющихся во время проводов в армию, сложился достаточно пестрый. Прежде всего, это старинные чувашские песни, звучащие с традиционными текстами и формульными напевами. Кроме них, пелись песни с более поздними, нередко заимствованными сюжетами и мелодиями. Наконец, могли исполняться русские песни XX века или же современные эстрадные песни.

² Духовный стих записан от М. Н. Голубевой, 1932 г.р.

Пение традиционных песен часто сопровождалось гармошечными наигрышами.

Одна из самых распространенных песен, заимствованных из русской фольклорной традиции – «*Çеçен хирте, сад пахчине*». Эта солдатская по содержанию песня, очевидно, уже в XX веке, стала приуроченной к обряду проводов в солдаты. Текстовой основой песни послужила русская песня поздней традиции «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой», переложенная на чувашский язык. В основе ее напева лежит мелодия другой известной солдатской песни «Черный ворон, друг ты мой любезный», являющейся народной интерпретацией стихотворения поэта П. А. Козлова «Знаю, ворон, твой обычай». Таким образом, в чувашской традиции произошла контаминация двух русских солдатских песен с сюжетом о черном вороне, из одной из них заимствован напев, из другой – текст [3, с. 273]. В чувашских вариантах песни о вороне присутствует творческая переработка известного русского текста. Ряд текстовых элементов отсекается, сохраняются же и подчеркиваются наиболее актуальные для чувашского народного сознания мотивы – забота о родителях, верном домашнем животном – коне, девушке-невесте. Песенный текст становится более сжатым, кратким, афористичным, что очень характерно для чувашской народной поэзии [3, с. 274]. Далее приведем этот текст, записанный от М. Н. Голубевой, П. Т. Аняньевой, Е. И. Петровой:

Çеçен хирте, сад пахчине, аманнă салтак ыртатъ.

Ун кăкрине штыкпа штарнă юнлă тутри аллинче.

Салтак юнĕ шăршипеле вĕçсеанчĕç кураксем.

«Анкил, курак, анкил, курак, эпĕ халĕ вилменха».

Часрах вĕçсе кайса калар аттене-ле аннене,

Манран юлна чун савнине ытла йывар антийер

В чистом поле, в саду раненый солдат лежит.

Его грудь пронзена штыком, в руке окровавленный платок.

На запах крови солдата слетелись вороны.

«Не лети, ворон, не лети, ворон, я еще не умер.

Быстрее летите, скажите отцу и матери,

Чтобы на гнедого, оставшегося от меня, слишком тяжело не нагружали.

Манран юлна чун савнине йывар самах ан калар.

Чтобы не говорили слова, от которых тяжело на душе, девушке, оставшейся от меня».

Неприуроченные жанры фольклора чувашских переселенцев представлены гостевыми и лирическими песнями, а также чувашскими и русскими частушками. Гостевые песни исполнялись во время застолий, семейных праздников, при встречах с многочисленными родственниками. В этих песнях присутствуют мотивы щедрого угощения, радости от встречи с родными и близкими и наоборот, грусти от расставания с ними. Некоторые гостевые песни звучали именно во время проводов гостей с пожеланиями уходящим счастливой дороги домой.

Лирические песни и так называемые чувашские частушки (краткие однострофные композиции с традиционными чувашскими напевами) весьма разнообразны по содержанию. В них нередко встречаются мотивы философского осмысления жизни, рассуждения о ее скоротечности, о тяготах, выпадающих на долю человека, о горе и несчастной любви. В лирических песнях также находят в себе отражения события реальной жизни, происходящие с творцами и исполнителями песен. Например, до настоящего времени существует песня о переселении чувашей в Сибирь *Ирĕксĕрех килес пулчĕ çак Сибире*.

Часть лирических песен исполняются с напевами и сюжетами, заимствованными из русской фольклорной традиции [4]. Очевидно, что подобные заимствования произошли еще до приезда чувашей в Сибирь. Среди этих песен уже упоминавшаяся рекрутская песня о вороне *Çеçен хирте, сад пахчине*; в основе двух других также находятся русские песни поздней традиции. Песня с сюжетом о влюбленном юноше и насильном замужестве его девушки *Каша ялĕнче, сĕве хĕрринче* звучит с напевом широко распространенной в России в первой половине – середине XX века песни «Кирпичики» (или же жестокого романса «Как на кладбище Митрофановском»). Третья песня – *Хусан енче, поезд килет* – с сюжетом о непреднамеренном убийстве девушки её возлюбленным, произошедшем во время Масленицы. Эта песня положена на мелодию известной тюремной песни «Александровский централ». Сюжет также мог быть заимствован из русской песни, о чем свидетельствует подробное описание места действия и последующих в песне событий, что не свойственно

краткосюжетной чувашской поэзии. Во всех трех заимствованных песнях присутствует явно выраженный чувашский колорит, создаваемый с помощью образного параллелизма и упоминаний о реалиях чувашской жизни.

Песенная традиция села Чуваши включает в себя также плясовые припевки, отдельные образцы детских игровых песен и частушки с русскими напевами и текстами. Музыкально-инструментальное исполнительство в настоящее время представлено наигрышами на гармонии и баяне, в прошлом осталась игра на традиционных чувашских инструментах: скрипке и гусях. (Фото 11)

Литература

1. Андреева М. М., Жимулева Е. И., Леонова Н. В. Традиционная музыка чувашей Сибири в ее межкультурных связях // Народная культура Сибири: Материалы XII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2003. С. 26–30.
2. Жимулева Е. И. Чувашские переселенцы в Сибири (по материалам экспедиций в Северный и Кольванский районы Новосибирской области) // Мельниковские чтения: Материалы второй региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2007. С. 284–288.
3. Исмагилова Е. И. Рекрутские песни в фольклорной традиции сибирских чувашей // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары, 2012. С. 263–275.
4. Исмагилова Е. И. Русские песни поздней традиции в музыкальном фольклоре чувашей Сибири // PAX SONORIS. Научный журнал. Вып. VII / Гл. ред. Е. М. Шишкина. Астрахань, 2013. С. 14–20.

Фольклор старообрядцев Тувы

М. П. Татаринцева
(Кызыл, Республика Тыва)

Старообрядцы в Туве до вхождения ее в состав СССР составляли примерно третью часть всех русских переселенцев, в конце XIX века начавших активную колонизацию Тувы, коренное население которой состояло из кочевников-скотоводов. Сначала их расселение по Туве, в которой для крестьянина-земледельца был огромный запас неиспользуемых земель, происходило там, где можно было заниматься земледелием, построить дом, засадить огород и т.д. Однако с увеличением количества переселенцев в выборе места поселения стали играть роль и такие факторы, как желание уйти подальше от властей и «еретиков», жить рядом с единоверцами, чтобы молиться в соборе, проводить совместные обряды и т.д. Особенно это было характерно для старообрядцев часовенного согласия, которые хотели свести до минимума контакты с внешним миром. Они оставляли обжитые места и уходили в глубь непроходимой тайги, в горы, основывая там новые заимки и деревни. Таким местом притяжения для них в Туве стало верховье Малого Енисея (Верховье), где сейчас компактно живут старoverы часовенного согласия. Тем более, что на протяжении ста лет в Верховье действовали скиты-монастыри, женские и мужские, населенные хотя и немногочисленными монахами, но, тем не менее оказывавшие огромное влияние на верующих, особенно по сохранению и укреплению старой веры.

Собирание фольклора в среде ортодоксальных старообрядцев имеет свои особенности, поскольку у них существуют запреты и ограничения на контакты с «чужими», тем более, что фольклорист (в данном случае я) делает попытки использовать магнитофон. В общем, чтобы научиться работать с такими информантами, пришлось основательно изучить историю, этнографию, культуру этой этноконфессиональной группы русского населения. Первый контакт со старообрядцами в качестве фольклориста у меня состоялся в начале 1980-х годов, последний раз я работала с ними в августе 2016 года.

Многолетний опыт собирателя показывает, что к изучению бытования фольклора в старообрядческой среде, как и изучению образа жизни и культуры старообрядцев, нужен дифференцированный